

**: Quinto Tullio
Cicerone. Manualetto per la campagna
elettorale / a cura di Francesco Lucrezi,
Editoriale Scientifica (pabblicazioni
dell'Istituto Suor Orsola Benincasa,
Collana "Pensiero giuridico"). Napoli,
2001. 117 p.**

[Stable URL: <http://elar.uniya.ac.ru/jspui/handle/123456789/3328>]

[:]
. 2003: : Quinto Tullio Cicerone. Manualetto per la
campagna elettorale / a cura di Francesco Lucrezi, Editoriale Scientifica (pabblicazioni
dell'Istituto Suor Orsola Benincasa, Collana "Pensiero giuridico"). Napoli, 2001. 117 p. //
IVS ANTIQVVM. . 2 (12), 192-199.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Л. ДИ ЧИНЦИО*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: QUINTO TULLIO
CICERONE. MANUALETTO PER LA
CAMPAGNA ELETTORALE / A CURA DI
FRANCESCO LUCREZI, EDITORIALE
SCIENTIFICA (PUBBLICAZIONI
DELL'ISTITUTO SUOR ORSOLA
BENINCASA, COLLANA «PENSIERO
GIURIDICO»). NAPOLI, 2001. 117 P.**

Если верно, что изучение права невозможно без рассмотрения его в историческом контексте, то новое издание «Пособия по ведению предвыборной кампании» под редакцией Франческо Лукреци является весьма полезной работой с этой точки зрения, так как оно предоставляет нам ценные сведения для реконструкции и понимания особого периода в истории Рима, когда Цицерон готовился к получению консульской должности (которую он занял в 63 г. до н. э.).

Под названием *Commentariolum petitionis* подразумевается, как известно, письмо, отправленное Квинтом Туллем Цицероном его более известному брату Марку Туллию, в котором первый дал некоторые инструкции и советы относительно того, как добиться должности консула, к которой стремился второй. С точки зрения структуры и содержания письмо состоит из трех частей¹, написанных в четкой и ясной манере, хотя и не лишенных риторических и эмфатических прикрас. В первой части после описания трудностей, с которыми *homo novus*, каковым был Цицерон, может столкнуться, предлагаются пути их преодоления; во второй указывается, как вести кампанию и какого поведения придерживаться для успешного ее исхода; наконец, в третьей изложены некоторые соображения о римской политической жизни. Книга, о которой мы говорим, предлагает читателям помимо текста и критического перевода письма (за помощь при осуществлении которого редактор благодарит Пьер Джорджио Паррони), а также обширное и углубленное Введение, в котором автор помимо того, что комментирует содержание и *ratio* своей работы, посвящает шесть параграфов некоторым историко-догматическим проблемам, связанным с ней, и предлагает собственные решения для них.

Первая проблема, которая должна быть разрешена, касается подлинности письма: ей было уделено даже слишком много внимания, так как, по мнению Лукреци, это пособие должно рассматриваться с точки зрения содержания как ценный исторический документ, вне зависимости от того, кто был его действительным создателем.

Конечно, такое внимание к вышеназванной проблеме зависит от различных факторов, в частности от того, что при формальном анализе встречаются некоторые довольно очевидные, но (следует уточнить) не неопровержимые аномалии, в отношении которых мнения ученых непримиримо расходятся². Лукреци, со своей стороны, прежде чем прийти к

* Лучия ди Чинцио – доктор юридического факультета Университета Салерно (г. Неаполь, Италия).

¹ Соответствующих трем составляющим девиза, который Квинт в письме (1. 2) советует брату всегда помнить: «*novus sum, consulatum peto, Roma est*».

² Эти мнения приведены самим Лукреци во Введении. Среди тех, кто оспаривал подлинность письма, упомянем: *Eussner*. *Commentariolum petitionis examinatum et emendatum*. Wuerzburg, 1872. S. 6 ff.; *Hendrickson*. *On the Authenticity of the Commentariolum petitionis of Quintus Cicero*, in *Amer. Journ. of Philol.* 1982. 13; *Henderson*. *De Commentariolo petitionis* // *JRS*. 1950. N 40; *Nisbet*. *The Commentariolum petitionis. Some Arguments against Authenticity* // *JRS*. 1961. N 51. Среди тех, кто

какому бы то ни было заключению, рассматривает все критические мнения против подлинности письма и каждому противопоставляет некоторые возражения, которые вновь ставят под сомнение то, что, на первый взгляд, могло показаться доказательством, или, по крайней мере, указанием, на неподлинность. Во-первых, следует проанализировать стиль письма, который при сравнении со стилем других четырех писем Квинта, по-видимому, обнаруживает некоторые отличия, такие, что многие приписывают его другой руке³. Во-вторых, выявляются некоторые аналогии с другими речами Цицерона, в особенности с *Pro Murena* и *In toga candida*⁴, из которых, также по мнению сторонников неподлинности письма, фальсификатор взял фрагменты, которые в нем находятся. В-третьих, следует упомянуть некоторые фразы, которые, вероятно, касаются событий или обстоятельств, имевших место после написания письма⁵. Редактор, изложив означенные возражения, рассматривает их с других точек зрения и при поддержке многих авторитетных ученых отбрасывает те, которые на первый взгляд могли показаться совершенно достоверными.

В отношении стиля он утверждает, что этот аргумент слишком слаб в том смысле, что было бы методологически неправильно делать выводы об авторе письма только из сравнения его с другими четырьмя письмами; против предполагаемых анахронизмов он возражает, указывая на общий характер рассматриваемых фраз, показывая возможность различной их интерпретации. С другой стороны, конечно, нельзя отрицать присутствия параллелей, но и оно вновь вынесено на обсуждение и интерпретировано заново⁶: на самом деле, ничто не мешает предположить, что не анонимный фальсификатор, а сам Квинт мог подражать тому, что получил от своего более знаменитого брата. В целом, из рассуждений ученого следует, что как отрицающие, так и поддерживающие подлинность этого текста остаются в сфере гипотез и предположений и что поэтому невозможно с уверенностью принять то или другое направление («Положительное доказательство подлинности древнего текста категорически невозможно», – утверждал в этом отношении Нардо, которого цитирует Лукреци).

Следующий вопрос, связанный с этим, но частично отличный, который представлен вниманию читателя, касается получателя письма, которым, вероятно, не был Марк Тул-

признает его подлинность, упомянем: *Tyrrel. The Letters of Q. Cicero // Hermathena. 1877. Bd. 5. P. 40 sg.*; *Carotenuto. Il Commentariolum petitionis // Annali Fac. Lett. Filos. Univ. Napoli. 1956. Vol. 6; Nardo. Il «Commentariolum petitionis». La propaganda elettorale nella «ars» di Quinto Cicerone. Padova, 1970; Richardson. The Commentariolum Petitionis // Historia. 1971. Bd. 20. P. 436 sg.*; *David. Demougain, Deniaux, Ferey, Flambar, Nicolet, Le 'Commentariolum petitionis' de Quintus Ciceron. Etat de la question et étude prosopographique // ANRW. 1973. Vol. 1. 3. P. 240; Fedeli. Introduzione a Q. Tullio Cicerone. Manualetto di campagna elettorale (Commentariolum petitionis). Roma, 1987. P. 13 sg.*

³ *Eussne. Op. cit. S. 6; Hendrickson. Op. cit. P. 203.*

⁴ В качестве примера можно привести следующие параллели: *Comm. pet. 2. 7: ...plus illis nobilitatem quam tibi virtutem prodesse...*; *Pro Mur. 8. 17: ...non magis nobilitate quam virtuti peteret...*; *Comm. Pet. 6. 24: ...sunt enim quidam homines in suis vicinibus et municipiis gratiosi...*; *Pro Mur. 21. 43: Homines honesti atque in suis vicinibus et municipiis gratiosi...*; *Comm. pet. 3. 12: ...qui velit uno suffragio duas in rem publicam sicas destringere?*; *Asc., In toga cand. (ed. Clark) 83: ...duos uno tempore conantur in rem publicam sicas destringere.*

⁵ Предполагаемых анахронизмов много: в 2. 8 говорится о том, что Антоний Гибрид подвергся *proscriptio bonorum*, тогда как это произошло в 59 г. (*Henderson. Op. cit. P. 10 sg.*), но этот срок может относиться и к *saluum addictio*, которое он же претерпел в 76 г. (*Carotenuto. Op. cit. P. 22; Nisbet. Op. cit. P. 84*). Также фраза в 1. 2: «*non potest qui dignus habetur patronus consularium indignus consulatu putari*», согласно *Nisbet. Op. cit. P. 54*, является анахронизмом, так как Цицерон тогда еще не защищал ни одного консула, но эта фраза может также быть интерпретирована в более общем смысле, без отсылки к конкретным, уже выполненным судебным защитами (*Nardo. Op. cit. P. 9 sg.; David ecc. Op. cit. P. 254; Dermott. Op. cit. P. 385*).

⁶ Например, на замечание Хендерсон (*De Commentariolo petitionis – Op. cit. P. 8 sg.*), согласно которой выражение *Comm. pet. 2. 9* (где Катилина описывается как *natus in patris egestate, educatus in sororis stupris, corroboratus in caede civium*) соответствует *De haruspicum responso 20. 42* и должно быть отнесено к Клодию, а не к Катилине, возразили (*Buecheler. Quinti Ciceronis reliquiae Lipsiae, 1869. S. 20 sg.; Carotenuto. Op. cit. P. 21; Fedeli. Op. cit. P. 16*), что такие ссылки на нужду, разврат и насилие могли относиться к отцу Катилины и, следовательно, к юности противника Цицерона.

лий. Некоторые рассуждения скорее логического, чем узко источниковедческого и филологического характера, основанные на общем характере письма, могут вызвать сомнения в том, что речь идет о частном письме. В самом деле, тщательность, редакция «столь ясного, большого и отделанного» текста плохо согласуются с этим предположением; в то же время следует отметить некоторые недавние открытия, которые вызывают сложности также вокруг противоположного предположения, а именно что письмо было предназначено для публичного распространения. Из этих двух крайних возможностей Лукреци выбирает среднее: пособие не было предназначено для Марка или, по крайней мере, только для Марка, но было обращено к его сторонникам на выборах, его сотрудникам. Таким образом, речь идет о хождении ни узко частном, ни о публичном, но об ограниченном несколькими лицами.

Учитывая также и этот фактор, ученый выдвигает свою окончательную гипотезу об авторстве этого труда: поскольку он был предназначен для лиц, которые так или иначе имели с оратором отношения, основанные на заинтересованности и сотрудничестве, Цицерон написал письмо сам, но скрываясь за фиктивной принадлежностью его младшему брату, чтобы не выступать лично, поскольку могло показаться неуместным, что сам соискатель оказался способным на столь неблагоприятные, циничные и корыстные суждения.

Такова окончательная гипотеза, которая, однако, выдвигается наряду с оговорками, поскольку сам данный вопрос по своей природе должен рассматриваться, в конечном счете, как неразрешимый⁷. Во второй части Введения указаны те места письма, которые должны вызывать наибольший интерес и которые способствуют прояснению некоторых исторических и юридических аспектов того бурного времени.

Первая тема, возникающая в письме, которую рассматривает Лукреци, – *amicitia*, является центральным аргументом изложения, подчеркнуты отличия его по отношению к самым известным аргументациям Марка Туллия на эту тему⁸. В тексте Квинта термин *amicitia* принимает значение, основанное на выгоде, на логике *do ut des*, работающей на победу на выборах, значение, совершенно отличное от этического значения, рассматриваемого Марком. Явный утилитаризм, который в тексте проявляется совершенно недвусмысленно и сознательно (см., например, 5. 16: *amicorum studia beneficiis et officiis et vetustate et facilitate ac iucunditate naturae parta esse oportet. Sed hoc nomen amicorum in petitione latius patet quam in cetera uita ancora*; 5. 18: *Deinde sunt instituendi cuiusque generis amici...*).

Вторая тема – *povitas*. Цицерон, как известно, не входил в состав той сенаторской аристократии, которой до сих пор предназначались самые важные должности, такие как консульство, но был *homo povus*, что в предвыборных условиях могло стать препятствием для удачного исхода *retitio*. В письме же это качество предстает, в принципе, как повод для уважения и гордости, как качество, которое должно выставляться напоказ, но в то же самое время как недостаток, который может быть восполнен, поскольку отсутствие благородного происхождения должно было заставить ратора проявить свои личные достоинства; с такой точки зрения оправдывается также обращение как к выгодным *amicitiae* (не имея возможности гордиться знаменитыми родственниками, следовало по

⁷ Так, он заключает (*Lucrezi. Op. cit. P. 41*): «Даже если согласиться с тем, что *Commentariolum* принадлежит Квинту, следует отметить, что, во всяком случае, в нем с 50 % вероятностью есть также рука Марка Туллия Цицерона». Тут ученый ссылается на труд по 'editing', порученный Квинтом Марку в этом самом письме.

⁸ Марк посвятил целый труд, знаменитый *Laelius de amicitia*, в котором, как говорит Лукреци (*Op. cit. P. 47*), возникает понятие, противоположное тому, которое присутствует в письме: «...Марк Цицерон рассматривает *amicitia*, которая основана на *filantropia*, *virtus*, *probitas*, *humanitas* и которая как таковая исключает все те виды расчета и выгоды, которые ранее были обоснованы братом Квинтом; равным образом это противоречие не опровергает гипотезу о происхождении письма от Марка, поскольку *Laelius* был написан примерно на двадцать лет позже *Commentariolum*, когда Арпинат отдалялся от политической сцены Рима, в обстановке, к тому же, весьма отличной от той, которая охарактеризовала годы его возвышения».

возможности окружать себя почитателями), так и к красноречию как к средству подчеркивания политических, культурных и человеческих достоинств, а также убеждения римского электората путем его восхваления.

В этом отношении письмо не предоставляет подробных сведений о выборных механизмах; но, несмотря на это, оно позволяет нам уловить основную установку предвыборной кампании, которая, будучи основанной на соперничестве между отдельными лицами, а не между идеями или «партиями», кажется, имела сугубо личный характер: в самом деле, в тексте не прослеживается никакой четко определенной политической программы, но только стремление заручиться благосклонностью определенных кругов через систематическое использование пропаганды и корыстных обещаний, упомянутых выше.

Такой способ вести *petitio*, вероятно, находил основание в римской предвыборной базе этого периода, в которой приобретало господствующее положение небольшое число влиятельных лиц и семей, так что стало возможным и необходимым обеспечивать себе *favor*, как сказали бы сегодня, «от дома к дому», через помощь и поддержку доверенных сотрудников.

Из письма явствует также другая существенная характеристика поздне-республиканской политической системы, а именно ее исключительно плутократический характер, в котором формальная демократическая структура прикрывала режим, по существу опиравшийся на богатство и власть немногих *potentiores*, в зависимости от силовых связей, которые избегали контроля сената и других институтов свободной *res publica*.

Лукреци дает общую характеристику юридических последствий этой действительности, описанной кратким, но ясным образом.

С такой точки зрения могут быть разрешены интересные проблемы, в особенности касающиеся функционирования *collegia*⁹ (кружки, способные влиять на политическую жизнь и поэтому подчиненные контролю центральной власти, которая стремилась их контролировать), а также относящиеся к преследованию *crimen ambitus*¹⁰ (намеки на которое, вероятно, есть в 14. 55: *Et quoniam in hoc vel maxime et vitiosa est civitas, quod largitione interposita uirtutis ac dignitatis obliuisci solet, in hoc fac ut te bene noris, id est ut intellegas eum esse te qui iudici ac periculi metum maximum competitores adferre possunt*). Мне кажутся также достойными упоминания единичные, но тем не менее полезные ссылки на процессуальные формальности, встречающиеся в тексте Цицерона, в 14. 55:

⁹ В тексте *collegia* упоминаются в особенности в 5. 19: *...Nam hoc biennio quattuor sodalitates hominum ad ambitionem gratiosissimorum tibi obligasti*. Как известно, *collegia* были кружками, имеющими разные цели, часто создаваемыми для поддержки какой-либо фигуры различными способами, как законными, так и нет; таким образом, они представляли собой, по крайней мере потенциально, инструменты для приобретения власти при помощи (более или менее законной) других лиц, которые обязывались как члены этих кружков. Понятно, почему они имели большое, хотя и различное значение в разные исторические эпохи и в соответствии с разными преследуемыми целями, претерпевая заметные ограничения уже в конце республиканского периода и еще в большей мере при принципате. Среди ограничительных мер есть запрещение 56–55 гг. на *collegia sodalicia* 56 г., так как их целью считалась коррупция и предвыборное насилие. В свете этой меры *Henderson* (Op. cit. P. 12) выказала сомнения в отношении указанного фрагмента, потому что допущение обращения к *collegia* могло стать опасным. Но, как замечает Лукреци, этот запрет датирован позже *petitio* 63 г. и, следовательно, *Commentariolum*.

О реконструкции феномена ассоциаций в Риме см.: *Randazzo. Collegia iuuenum // SDHI. 2000. Vol. 66. P. 201 sg.* с широкой и исчерпывающей библиографией и его же *Senatus consultum quo illicita collegia arcentur (D. 47. 22. 1. 1) // BIDR. 1991–92. Bd. 94–95.*

¹⁰ «Интересно, наконец, какие выводы мы можем сделать после прочтения *Commentariolum petitionis* в отношении определения размытой границы между законным и незаконным в римских выборах и, следовательно, в отношении более точного определения того особого типа *crimen*, который назывался *ambitus*» (P. 61). *Crimen ambitus* часто становилось объектом различных законодательных мер. Во время цицероновой *petitio* оно пресекалось посредством *Lex Cornelia* 81 г. и *lex Calpurnia* 67 г. По этой теме см.: *Lucrezi. P. 61 sg.* и указанную там литературу.

fac ut se abs te custodiri atque observari sciant; cum diligentiam tuam, cum auctoritatem uimque dicendi, tum profecto equestris ordinis erga te studium pertimescent; и в 14. 56: atque haec ita te nolo illis proponere ut uideare accusationem iam meditari sed ut hoc terrore facilius hoc ipsum quod agis consequare. В первом фрагменте упоминание всаднического сословия может навести на мысль о судебных коллегиях quaestio apposita; тогда как второй отсылает именно к accusatio, формальному и техническому акту, типичному для публичного уголовного процесса¹¹.

С помощью примеров, относящихся к crimen ambitus и к collegia, Лукреци удается показать, как в результате глубокого прочтения литературного источника могут быть поняты важные аспекты юридических явлений. В особенности читателю дается возможность понять, как шаткие порядки власти этого времени могли определять виды репрессивных мер, которые, возникая в определенных обстоятельствах и будучи направленными на конкретные категории или отдельных лиц, характеризовались, однако, общим и поэтому применимым к неопределенному количеству случаев содержанием. Не только виды преступлений, но и сам процесс, а также способы его проведения использовались как средство борьбы и политического утверждения и, таким образом, оказываются тесно связанными с историческими событиями, которые давали тем поводы.

Таким образом, исследование Лукреци делает очевидной пользу так называемых «нетехнических» источников для понимания римского права, в нем *Commentariolum* предстает как особый и многозначный источник, способный предоставить ценные сведения как «чистым» филологам и историкам, так и изучающим право и общественные институты поздней Республики.

L. DI CINTIO

**RECENSIONE SU LIBRO: QUINTO TULLIO
CICERONE. MANUALETTO PER LA
CAMPAGNA ELETTORALE / A CURA DI
FRANCESCO LUCREZI, EDITORIALE
SCIENTIFICA (PUBBLICAZIONI
DELL'ISTITUTO SUOR ORSOLA
BENINCASA, COLLANA «PENSIERO
GIURIDICO»). NAPOLI, 2001. 117 P.**

(RIASSUNTO)

Se è vero che lo studio del diritto non può prescindere dalla sua contestualizzazione storica, allora questa nuova edizione del *Manualetto* per la campagna elettorale, a cura di Francesco Lucrezi, risulta un'opera assai utile sotto questo profilo, fornendoci elementi preziosi, finalizzati alla ricostruzione e comprensione di un particolare spaccato della storia di Roma, quando Cicerone si apprestava ad ottenere la carica di console (che ricoprì nel 63 a. C.).

Con il titolo di *Commentariolum petitionis* ci si riferisce, com'è noto, ad una missiva inviata da Quinto Tullio Cicerone al ben più noto fratello Marco Tullio, in cui il primo fornirebbe delle istruzioni, dei consigli su come ottenere la carica di console a cui il secondo aspirava. La lettera si presenta, sotto il profilo strutturale e contenutistico, articolata in tre parti, trattate in modo distinto, chiaro e lucido, anche se non privi di colo-

¹¹ О примерах процессов per quaestionem см.: *Amarelli*. Lucrezi. I processi contro Archia e Apuleio. Napoli, 1997, в особенности дело Архия как пример процедуры per quaestionem (P. 19 sg.). Об общих чертах такого процесса см.: *Santalucia B.* Diritto e processo penale nell'antica Roma. Milano, 1989; *Giuffrè*. La «repressione criminale» nell'esperienza romana. Profili; Napoli, 1991.

riture retoriche ed enfatiche. Nella prima parte, descritte le difficoltà che un homo novus, quale era Cicerone, avrebbe incontrato, si consiglia sulle strategie per superarle; nella seconda si indica come condurre la campagna e quali comportamenti assumere per una buona riuscita; nella terza, infine, si offrono delle considerazioni sul mondo politico di Roma.

Il volume che segnaliamo offre ai lettori, oltre al testo e a una traduzione critica dell'epistola (per la cui realizzazione il curatore ringrazia, per i consigli ricevuti, Pier Giorgio Parroni), anche una lunga, quanto approfondita introduzione in cui l'autore, oltre a illustrare il contenuto e la ratio dell'opera, discute, attraverso sei paragrafi, delle questioni storico-dogmatiche che ruotano attorno alla stessa e rispetto alle quali propone soluzioni proprie.

Il primo nodo che viene affrontato riguarda l'autenticità dello scritto: un problema, questo, a cui è stato dedicato interesse sin troppo ampio, poiché, a dire del Lucrezi, il manualetto andrebbe considerato dal punto di vista contenutistico, in quanto prezioso documento storico, a prescindere dal suo effettivo ideatore.

Sicuramente tanta attenzione alla suddetta questione dipende da vari elementi, come il fatto che, ad una analisi formale, si riscontrano delle anomalie piuttosto evidenti, ma, si deve precisare, non per questo inconfutabili, su cui la dottrina appare insanabilmente divisa.

Dal canto suo il Lucrezi, prima di giungere a qualsivoglia conclusione, analizza tutte le critiche sfavorevoli all'autenticità e per ognuna pone delle eccezioni che riaprono quella che a prima vista poteva apparire una prova, quanto meno un indice, di apocrifia.

In primo luogo viene posto sotto esame lo stile di scrittura che, confrontato con quello di altre quattro missive di Quinto, sembrerebbe presentare delle diversità tali che molti lo hanno collegato ad una altra mano. In secondo luogo si evidenziano delle analogie con altre orazioni di Cicerone, in specie la Pro Murena e la In toga candida, da cui, sempre a dire dei sostenitori della non autenticità, il falsario avrebbe escerpito i passaggi che si ritrovano nella lettera. In terzo luogo vengono menzionate alcune espressioni che riguarderebbero accadimenti o situazioni posteriori alla data dell'epistola.

Il curatore, dopo aver esposto le sopraddette riserve, le analizza sotto altri punti di vista, e, corroborato da dottrina altrettanto numerosa ed autorevole, scardina quelle che prima facie potevano apparire vere e proprie certezze.

Per quello che riguarda lo stile afferma che l'argomento è troppo debole, nel senso che sarebbe metodologicamente scorretto trarre conclusioni sull'autore della missiva per il solo confronto di questa con altre quattro lettere; a fronte

dei presunti anacronismi eccipe la genericità delle espressioni considerate, mostrando la loro diversa interpretabilità. Sicuramente, invece, è innegabile la presenza di parallelismi, ma anche questa è rimessa in discussione e reinterpretata: nulla vieta, infatti, l'ipotesi per cui, anziché un anonimo falsario, a copiare non possa essere stato Quinto stesso, che avrebbe attinto dal più noto fratello.

In sostanza, ciò che emerge dalle considerazioni dello studioso, è che, sia i detrattori che i sostenitori della autenticità del brano, rimangono nel campo delle ipotesi, delle congetture e che quindi è impossibile dirigersi verso l'una o l'altra direzione in modo certo («Una prova in positivo dell'autenticità di un'opera antica è di rigore impossibile», affermò, al riguardo, il Nardo, citato da Lucrezi).

Collegato a questo, ma in parte diverso, è poi l'altro punto, parimenti discusso, sottoposto all'attenzione del lettore ed attinente al destinatario della missiva, che non sarebbe stato Marco Tullio. Alcune considerazioni di ordine, più che strettamente esegetico-filologico, logico, emergenti dal tenore complessivo dello scritto farebbero sorgere il dubbio che si trattasse di una lettera privata. Infatti la acribia, la redazione di un testo «così preciso, ampio e curato» mal si concilierebbero con questa ipotesi; d'altro canto occorre notare come siano presenti certe rivelazioni, nonché certe considerazioni che fanno sorgere perplessità anche circa la proposta alternativa, ossia che fosse destinato ad una pubblica divulgazione. Tra queste due possibilità estreme, Lucrezi opta per una mediana: il Manualetto non sarebbe stato per Marco, o almeno solo per Marco, ma sarebbe stato rivolto al suo seguito elettorale, ai suoi collaboratori. Si tratterebbe, così, di circolazione né strettamente privata né pubblica, ma ristretta a pochi soggetti.

Tenuto presente anche questo elemento, lo studioso affaccia la sua ipotesi conclusiva sulla paternità dell'opera: poiché questa era destinata a persone che avrebbero avuto comunque con l'oratore un rapporto fondato sull'interesse e la collaborazione, Cicerone avrebbe scritto egli stesso la lettera, ma schermandosi dietro la finta attribuzione al più giovane fratello, proprio per evitare di esporsi di persona, non sembrando opportuno che il medesimo petitor apparisse capace di sentimenti tanto poco nobili, cinici e interessati.

Questa è l'ipotesi conclusiva, avanzata, però, coerentemente con le premesse, in modo dubitativo, dato che il problema per sua stessa natura viene reputato, in definitiva, insolubile.

Nella seconda parte della introduzione si evidenziano quelli che vengono ritenuti i punti di maggior interesse dello scritto e che concorrono a

mettere in luce alcuni aspetti storici e giuridici di quel tormentato periodo.

Il primo tema trattato da Lucrezi, emergente dal libello, è quello dell'amicitia, argomento centrale della trattazione, del quale si sottolineano le differenze rispetto alle più note argomentazioni in materia di Marco Tullio. In base al testo di Quinto il termine amicitia assume un significato incentrato sul tornaconto, sulla logica del *do ut des* funzionalizzata alla vittoria elettorale, affatto diverso da quello, etico, contemplato da Marco. Uno smaccato utilitarismo che nel testo è evidenziato in modo del tutto esplicito e cosciente (cfr., p. es., 5. 16: *amicorum studia beneficiis et officiis et vetustate et facilitate ac iucunditate naturae parta esse oportet. Sed hoc nomen amicorum in petitione latius patet quam in cetera uitae* ancora 5. 18 *Deinde sunt instituendi cuiusque generis amici...*).

Il secondo argomento è quello della *novitas*. Cicerone non faceva parte, come noto, di quella aristocrazia senatoria a cui fino ad allora erano destinate le cariche più importanti come il consolato, ma era un *homo novus*, il che in termini elettorali avrebbe potuto costituire un ostacolo alla buona riuscita della *petitio*. Invece nella epistola tale qualità appare, in linea di principio, come un motivo di pregio e di orgoglio, da ostentare, ma allo stesso tempo, per altri versi, come uno svantaggio da colmare, in quanto la mancanza di nobili natali avrebbe dovuto forzatamente indurre il retore a far emergere i propri pregi personali; in tale ottica si giustifica anche il ricorso alle *amicitiae convenienti* (non potendo vantare parenti illustri ci si sarebbe dovuti accerchiare il più possibile di estimatori), e il ricorso all'eloquenza come mezzo per mettere in risalto le virtù politiche, culturali ed umane nonché per convincere, incantandolo, l'elettorato romano.

Sotto questo profilo, la lettera non risulta fornire elementi dettagliati sui meccanismi elettorali; ma, nonostante ciò, essa ci consente di cogliere l'impostazione di fondo della campagna elettorale, la quale, basata sulla competizione tra singole persone, e non tra idee o 'partiti', appare di tipo nettamente personalistico: non emerge dal testo, infatti, alcun programma politico ben definito, ma soltanto una tensione a cogliere i favori di certi ambienti attraverso l'uso sistematico della propaganda e delle promesse interessate sopra mentovate. Siffatto modo di condurre la *petitio* avrebbe trovato giustificazione in relazione a quella che era la base elettorale romana del periodo, nella quale assumevano posizione dominante poche persone e *familiae influenti*, tanto da rendere possibile e necessario procurarsi il favor, come si direbbe oggi, «porta a porta», attraverso l'ausilio e il supporto di fidati collaboratori.

Sempre dalla epistola emerge un altro dato essenziale del sistema politico tardorepubblicano, ovvero il suo carattere squisitamente plutocratico, nel quale una formale struttura democratica copriva un regime sostanzialmente imperniato sulla ricchezza e il potere di pochi potentiores, secondo rapporti di forza che sfuggivano al controllo del senato e delle altre istituzioni della libera *res publica*.

Lucrezi tratteggia i riflessi giuridici di questa realtà, descritta in modo sintetico, ma chiaro.

Sotto tale punto di vista si colgono spunti interessanti, in particolare, per quello che riguarda il funzionamento dei collegia (circoli in grado di muovere le fila della vita politica e quindi sottoposti al controllo del potere centrale, che tentava di controllarli), nonché riguardo alla repressione del *crimen ambitus* (al quale si farebbe allusione 14. 55: *Et quoniam in hoc vel maxime et vitiosa est civitas, quod largitione interposita uirtutis ac dignitatis obliuisci solet, in hoc fac ut te bene noris, id est ut intellegas eum esse te qui iudici ac periculi metum maximum competitorum adferre possunt*).

Non da ultimo, mi sembrano degni di nota anche i riferimenti sporadici, ma comunque utili, rinvenibili nel testo ciceroniano, alle modalità processuali, in 14. 55 (*fac ut se abs te custodiri atque observari sciant; cum diligentiam tuam, cum auctoritatem uimque dicendi, tum profecto equestris ordinis erga te studium pertimescent*) e in 14. 56 (*atque haec ita te nolo illis proponere ut uideare accusationem iam meditari sed ut hoc terrore facilius hoc ipsum quod agis consequare*). Nel primo passo la menzione dell'ordine equestre farebbe pensare ai collegi giudicanti della *quaestio* apposita; mentre il secondo rinvierebbe proprio all'*accusatio*, atto formale e tecnico propulsivo del tipo di procedura criminale pubblica.

Attraverso la esemplificazione relativa al *crimen ambitus* ed ai collegia Lucrezi riesce a dimostrare come dalla lettura approfondita di una fonte letteraria si possano cogliere aspetti non secondari dei fenomeni giuridici. In particolare, si dà modo al lettore di capire come i precari assetti di potere del tempo potessero determinare certi tipi di provvedimenti repressivi, i quali, generati da determinate circostanze e volti a colpire specifiche categorie o singole persone, si caratterizzavano però per un contenuto generico e per questo applicabile ad una serie non definita di ipotesi. Non solo le fattispecie criminali, ma anche il processo stesso, nonché le modalità del suo svolgimento, venivano utilizzati come mezzo di lotta ed affermazione politica, e appaiono così strettamente collegati alle vicende storiche che ad essi diedero occasione e alimento.

L'utilità delle fonti cd. 'atecniche' per la comprensione del diritto romano risulta così esaltata

dall'indagine di Lucrezi, dalla quale il *Commentariolum* emerge come fonte peculiare e significativa, in grado di fornire preziose informazioni

tanto ai filologi e agli storici 'puri', quanto agli studiosi del diritto e delle istituzioni pubbliche della tarda repubblica.